

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1940-Е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)

Э. В. Хубулова
А. Р. Сатцаева

Статья посвящена малоизученной научной проблеме, связанной с взаимоотношениями государства и верующих в послевоенные годы. На основе вводимых в научный оборот источников реконструирована религиозная жизнь населения Северной Осетии в условиях «позднего сталинизма». Анализируются основные изменения в религиозной жизни региона под воздействием перемен в конфессиональной политике государства; изучены вопросы приспособления к новому курсу как служителей культа, так и верующих; раскрываются особенности взаимоотношений церкви и общества на территории Северо-Осетинской АССР. Уделено внимание деятельности уполномоченных по делам религий. Изучены направления конфессиональной политики послевоенных лет, ее влияние и воздействие на внутрицерковную и духовную жизнь. Применение микроисторического подхода сделало возможным изучение влияния религии на повседневную жизнь послевоенного общества Северной Осетии.

Ключевые слова: конфессиональная политика, приход, уполномоченный, контроль, адаптация, повседневная жизнь.

The article is devoted to a not sufficiently studied scientific problem of the relationships between the State and believers in the postwar years. On the basis of the sources revealed for scientific investigation the religious life of the population of North Ossetia during «late Stalinism» is reconstructed. The main changes in the religious life of the region under the influence of changes in the religious policy of the state are analyzed; questions of adaptation to the new course by the clergy as well as worshippers are explored; the characteristics of the church and society relations in the North Ossetian ASSR are revealed. An attention is paid to the activities of the Commissioners for Religious Affairs. The direction of the religious policy of the postwar years, its influence and impact on the internal church and spiritual life is studied. Application of microhistorical approach allowed studying the influence of religion on daily life of the North Ossetia's post-war society.

Keywords: confessional policy, parish, commissioner, control, adaptation, everyday life.

За последние десятилетия нашей истории произошли кардинальные перемены не только в социально-экономической, политической жизни, но изменилась религиозная сфера российского общества. От оголтелого атеизма общество перекинулось в разного рода сектантские организации, нередко экстремистского толка. Наблюдается рост религиозности в социуме, который не всегда имеет под собой нравственно-моральную основу, часто является данью модным течениям или хорошо поставленной пропаганде, ни имеющей ничего общего с традиционными религиозными ценностями.

Внимание к изучению государственно-конфессиональных отношений связано также с тем, что в современной России религиозные организации активно участвуют во внутренней и внешней политике государства. Кроме того, прослеживается определенная связь между этничностью и конфессиональностью, что делает актуальной и проблему межнациональных отношений.

В связи со всем отмеченным возникает необходимость глубже изучить государственно-конфессиональные отношения на разных этапах нашей истории, понять причины ослабления или, наоборот, усиления

религиозности населения. Особенно важен подобный анализ для таких поликонфессиональных регионов, каким является Северная Осетия.

Большой интерес представляют 1940-е годы, когда власть провела своеобразную религиозную реформу, отказавшись от гонений на верующих. Нельзя сказать, что этот период был обойден в отечественной историографии. Однако советские авторы, по вполне понятным причинам, рассматривали религию и религиозные объединения как реакционные, препятствующие построению светлого коммунистического завтра. Поэтому в работах этого периода преобладали исследования по атеистическому воспитанию. На современном этапе развития исторической науки в научный оборот введены новые источники, которые ранее были недоступны исследователям; начались поиски новой, современной научной методологии, что, несомненно, имело своим результатом издание большого количества работ. Особо стоит отметить Л. И. Сосковец [1]. Проведенный ею анализ отложившихся материалов привел автора к излишне категоричному выводу о том, что при всех метаморфозах в религиозной политике этого времени государство проводило генеральную линию на ликвидацию религии и всего, что с ней связано.

Государственно-конфессиональным отношениям уделяют внимание и зарубежные исследователи. Среди них можно назвать У. Флетчера, который на основании данных социологических опросов доказал, что в военные и послевоенные годы количество верующих резко возросло и превысило официальные показатели [2, 31-34]. Его выводы стали отправной точкой пересмотра результатов многих социологических исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Среди русскоязычных по истории православной церкви можно назвать Д. В. Поспеловского, который впервые поднял проблему гонений на религию и священство в разные периоды истории СССР [3].

Региональная историография дооктябрьского периода представлена довольно полно. Можно отметить основательную работу З. В. Кануковой и С. А. Хубуловой «Дорога к Храму» [4]. Исследование советского периода истории религии находится в начале своего развития [5]. Особенно активно изучается период 1920-1930-х гг. [6], чего нельзя сказать о 1940-1960-х гг.

В годы Великой Отечественной войны власть повернулась лицом к верующим, от конфронтации 20-30-х гг. перешла к диалогу и демократизации церковной жизни, на практике претворяя в жизнь свободу совести. Это способствовало тому, что миллионы верующих принимали самое деятельное участие в оказании материальной помощи Красной армии, отправляя посылки с теплыми вещами, табаком, сладостями, строя на собранные средства танковые колонны и авиаэскадрильи.

Победа СССР в самой кровопролитной войне еще больше укрепило верующих в том, что произойдет дальнейшее сближение власти и церкви. Принимая в расчет, что все конфессии, и прежде всего Русская православная церковь, приняли самое активное и результативное участие в победе, правительство продолжило линию на некоторую либерализацию религиозной жизни послевоенного общества.

Великая Отечественная война явилась своеобразным рубежом, отделившим эпоху «воинствующего атеизма» от веротерпимого периода во взаимоотношениях между властью политической и духовной. Как справедливо отметил известный советский историк церкви М. В. Шкаровский: «Полтора десятилетия последних лет Отечественной войны и послевоенного времени были для русского православия временем своеобразной передышки» [7, 37].

В тяжелое время войны религиозные настроения в народе усилились. 22 июня 1941 г. патриарший местоблюститель митрополит Сергей обратился к верующим с посланием, в котором призывал их помнить «не о личных опасностях, а о священ-

ном долге перед Родиной и верой» [8]. Церковные иерархи выражали свою поддержку в борьбе советского народа с фашистами и искренне предлагали свою духовную поддержку: «И. Сталину. В связи с 25-летней годовщиной Октябрьской революции посылаем Вам от имени мусульман СССР сердечные поздравления — отмечалось в телеграмме. — Искренне желаем поражения врага, освобождения под Вашим руководством всего человечества и мусульман мира от тирании» [9, 495].

Тяжкий, наполненный трагическими потерями ход войны, первые попытки осмысления неудач Красной армии, внутренних социально-экономических и политических процессов в стране подталкивали высшие эшелоны власти к пониманию того, что с церковью и верующими необходимо считаться. Это подкреплялось встречными патриотическими акциями духовенства, направленными на оказание посильной помощи советским вооруженным силам. Церковь готова была оказывать и материальное содействие: «И. Сталину. Православная Русская церковь вместе со всеми народами великого Советского Союза горит одним желанием — всемерно помогать наступающей Красной Армии. Руководимая мною епархия до сего времени внесла в фонд обороны страны 3.182.143 рубля наличными деньгами, а также пожертвования ценными вещами» [10, 60-93].

В сентябре 1943 г. произошел давно назревавший переворот в государственно-церковных отношениях. Причины тому были разные. Руководство страны прекрасно осознавало, что насильственно внедряемый атеизм расколол общество, вывел верующих и Церковь за пределы общегосударственных законов. Этим мог воспользоваться противник. Большое значение имела также активная патриотическая деятельность подавляющей части духовенства и верующих.

4 сентября 1943 г. на даче И. Сталина состоялось совещание с участием священнослужителей. Именно там оказался прак-

тически решенным вопрос об открытии приходских, духовных учебных заведений, выпуска церковных изданий.

Для осуществления контролирующей роли государства 14 сентября 1943 г. СНК СССР принял постановление об организации Совета по делам РПЦ, уполномоченные которого действовали при правительствах союзных республик и областных исполкомах. Посредством института уполномоченных решались вопросы регистрации церковных общин, открытия новых приходских, конфликтные ситуации. 19 мая 1944 г. советское правительство приняло решение о создании Совета по делам религиозных культов. Его функции состояли в осуществлении связей между государственными инстанциями и религиозными объединениями — мусульманского, иудейского, буддистского вероисповеданий, армянской, старообрядческой, греко-католической, лютеранской церквями и сектантскими организациями.

На местах также складывалась обстановка, благоприятная для религиозного служения. В епархии открывались приходы. Однако гонения на религию привели к тому, что во вновь открываемых храмах не хватало священников. В те годы митрополитом Ставропольским и Бакинским был назначен будущий патриарх Антоний Романовский.

19 ноября 1944 г. было издано Постановление Совнаркома «О порядке открытия молитвенных домов религиозных культов». Этим сразу же воспользовались и верующие города Владикавказа. Еврейская община направила письмо в СНК СОАССР с просьбой «разрешить отправлять обряды еврейской религии и моления в принадлежавшем ей ранее помещении по ул. Томаева, д. 6. Сообщаем, что еврейское население города Дзауджикау имеет контингент верующих около 150 и более человек, которые за неимением места моления не могут обратиться к религии». Верующие с горечью отмечали, что «в настоящее время само помещение служит местом для дров и домаш-

него скарба» [11, 83]. Рассмотрение вопроса было отложено на неопределенный срок.

В то же время активизировалась деятельность различных сектантских организаций, в том числе евангельских христиан и баптистов.

Церковная организация евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) возникла в нашей стране в 1944 г. в результате слияния баптистов и евангельских христиан в духе апостолов, «братских менонитов» [12, 60-93]. Руководящим центром стал Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов. Последние были достаточно активны и добивались открытия молитвенных домов во многих населенных пунктах республики. В своем заявлении верующие общины евангельских христиан, проживающих в городе Дзауджикау в количестве 185 человек, указывали на желание объединиться с верующими общины баптистов и посему «просят разрешить открыть собрание для совместного проведения богослужения по ул. Казбекской 34» [13]. Молитвенный дом общины евангельских христиан начал функционировать с 9 июня 1945 г.

Вслед за ними о своем желании открыто осуществлять религиозные обряды заявили и мусульмане. Наиболее активными были верующие, проживающие в сельской местности. По некоторым сведениям в селениях республики имелось много верующих мусульман, «которые до сих пор по известным причинам не возбуждали вопроса об открытии им молитвенных домов и по данным председателей райсоветов нелегальщиной не занимаются» [9, 5]. С разрешения властей стали открываться мечети: так, в мае 1945 г. возобновила работу мечеть в селении Далакау. Верующие мусульмане города отправлялись на богослужение в ближайшие сельские мечети, а то и в соседние республики.

Наряду с организационными вопросами представители различных конфессий не забывали о своем гражданском долге и оказывали всяческую помощь фронту. Тру-

женики Северной Осетии, в числе которых были и верующие, собрали средства на строительство танковой колонны и авиазвена «Защитник Владикавказа». По городу Орджоникидзе поступило свыше 400 тысяч рублей. Обком ВКП (б) и Совнарком Северо-Осетинской АССР выразили уверенность в том, «что инициатива трудящихся города Орджоникидзе (Владикавказа) о дополнительном сборе средств на постройку авиазвена боевых самолетов «Защитник Владикавказа» найдет широкую поддержку со стороны всех трудящихся Северной Осетии» [14, 267]. В газете «Социалистическая Осетия» было опубликовано письмо Верховному Главнокомандующему И. Сталину от религиозной общины Ильинской церкви: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Желая помочь Красной Армии скорее столкнуть войска кровавого злодея Гитлера в пропасть, верующие религиозной общины Ильинской церкви г. Дзауджикау внесли в фонд Красной Армии 125000 рублей». Главковерх в ответной телеграмме сердечно благодарил общину за помощь красным бойцам.

Верующие Владикавказа включились в активную патриотическую антифашистскую деятельность. Как известно, в 1944 г. советской армии были переданы построенные на пожертвования духовенства и верующих страны танковая колонна «Дмитрий Донской» и эскадрилья «Александр Невский». В октябре 1944 г. был открыт общецерковный сбор для оказания помощи осиротевшим детям и семьям военнослужащих.

В годы Великой Отечественной войны Владикавказская Армянская церковь занималась благотворительной деятельностью, помогала раненым, давала приют беженцам. Было организован сбор средств для строительства танковой колонны «Давид Сасунский». Горожанам хорошо было известно имя священника Тер-Ваган Григоряна. Он знал всех прихожан в лицо — в чем нуждались, чем могли помочь другим. Для каждого прихожанина он всегда находил

нужные слова утешения, давал советы, как избежать той или иной проблемы.

В городе не было такого армянского дома, где бы ни побывал священник. В то время не одобрялось отправление религиозных обрядов на дому. Но он это делал, потому что любил своих прихожан, свой народ и ради их благополучия рисковал не только возможной потерей места службы, но иногда и своей жизнью.

Во время Великой Отечественной войны, когда фронт приблизился вплотную к городу Владикавказу и фашистские самолеты бомбили город, Тер-Ваган оставался на своем посту и помогал своей пастве и словом, и делом переносить тяготы войны [15, 6].

После каждой бомбежки города он обходил все армянские семьи, чтобы узнать, все ли благополучно и какая нужна помощь.

В те дни трагически оборвалась жизнь 3-х армянских семей, проживавших на площади Штыба. Это произошло в результате прямого попадания фашистской бомбы в дом, где они скрывались от бомбежки. Тер-Ваган первым пришел на помощь, он своими руками собрал останки погибших и организовал похороны.

За трудовую деятельность в годы войны он был удостоен правительственной награды — медали «За оборону Кавказа». Память о священнике Тер-Вагане продолжает жить в сердцах прихожан и всех армян г. Владикавказ, а дела его служат для молодых священников эталоном бескорыстного служения своей пастве и народу.

Новым толчком в активизации патриотической деятельности православной церкви стало воззвание митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. Наряду с военными целями предлагалось жертвовать деньги семьям фронтовиков, инвалидам, детям-сиротам, раненым воинам. В ответ на воззвание благочинный призвал установить отчисления от зарплаты всех служащих при церквях и духовенства, а также из церковных сумм, прово-

дить тарелочные сборы по воскресеньям.

Укреплению военно-экономического потенциала Советского Союза на завершающем этапе войны послужила подписка на 3-й и 4-й государственные военные займы и облигации денежно-вещевой лотереи. Несмотря на то, что некоторые партийно-советские функционеры на местах пытались превратить эти акции в принудительные, большинство духовенства и верующих добровольно подписывались на заем и покупали облигации.

У руководства страны хватило мужества, если не признать свою вину и долг перед церковью и духовенством, то де-факто и де-юре узаконить их место в обществе. Об этом свидетельствуют награды, которых были удостоены священнослужители после войны. Эти награды символизировали не столько признание заслуг церкви, сколько возвращение ей роли важного общественного института. Среди награжденных был протоиерей Григорий Гончаров — благочинный церковью Осетии с 1937 г. В годы Великой Отечественной войны о. Григорий проводил патриотическую работу среди своих прихожан: ими и от церковью города Грозного были собраны деньги, 50 тыс. руб. на танковую колонну им. Св. князя Дмитрия Донского, а в фонд обороны передано 300 тысяч. Кроме того, постоянно закупалась шерсть, прихожане вязали теплые вещи, отправлял на фронт. Ильинская церковь взяла шефство над двумя палатами госпиталя, где лечились раненые бойцы. За высокую патриотическую деятельность о. Григорий был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941-1945 гг.».

С окончанием войны перед церковью встали новые задачи, связанные с дальнейшим упорядочением жизни, с использованием расширившихся возможностей.

В 1945 г. было принято Положение, согласно которому «приходская община могла состоять не менее чем из 20 человек и должна была регистрироваться гражданской властью, предоставлявшей затем

храм по соглашению с епархиальным архиереем». Положение 1945 г. узаконило отчисление приходских средств вместе с церковными нуждами также и на нужды «патриотические» (ст. 41) и разрешало помещать церковные средства на хранение в Государственный банк.

В общину евангельских христиан — баптистов входило 892 человека, в том числе, в общине евангельских христиан города Дзауджикау состояло 892 человека, из них мужчин — 200, женщин — 582, молодежь до 25 лет — 110. Во всем этом количестве: учащихся — 48, колхозников — 10, рабочих — 88, служащих — 125, инвалидов Отечественной войны — 14, домохозяек — 530 [9, 5].

Верующие, которые сами испытывали большие материальные затруднения, оказывали христианскую помощь тем, кто в ней более всего нуждался. В отчете о деятельности православных храмов города было отмечено, что в конце 1945 г. «собрано и перечислено денежных сборов на нужды сирот, воинов, погибших в ВОВ, 1023 рубля, в январе 1946 г. — 1190 рублей, а всего за 1945-1946 гг. 11800 рублей. В других религиозных общинах также проводились воскресные, кружечные и тарелочные сборы. Например, в июле 1947 г. по общине евангельских христиан-баптистов города Дзауджикау собрано 5527 рублей.

В 1947 г. была восстановлена и открыта церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Первыми прихожанами и основателями были: протоиереи Емельян Косимов, Алексей Зимарин, Михаил Андрюшенко, Иоан Рудецкий. У истоков стоял Георгий Шиолашвили (отец грузинского патриарха Илии).

Была получена возможность установить колокола, и разрешался колокольный звон, только если он не нарушал общественного порядка [15, 12].

22 августа 1945 г. правительство предоставляло патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам, вопреки ленинскому декрету 1918 г., огра-

ниченное право юридического лица. Им разрешалось открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять наем работников. Жалование служащего персонала было повышено: священнику — 500 руб., псаломщику — 300, сторожу — 400 руб., регент-певцу — 300 руб.

О своем желании открыть мечеть в с. Лескен и «возобновить мусульманскую религию» заявили жители Ирафского района СОАССР. В своем письме на имя уполномоченного по делам религиозных культов при СНК СО АССР они писали: «Обязуемся содержать мечеть и обслуживающий состав мечети: муллу и муэдзина за счет верующих в соответствии с уставом» [9, 8-8об.]. В Совет по делам культов были поданы многочисленные заявки от верующих из Моздока, ст. Змейской, с. Эльхотово, Нартовского района с просьбой открыть молитвенные дома, восстановить разрушенные храмы. В отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви указывалось: «За отчетный 2-й квартал 1946 г. по Северо-Осетинской АССР поступило 8 ходатайств об открытии церквей. Таким образом, окончание войны отразилось на религиозном движении, все зависит от наличия в пункте нахождения церковного здания быв. служителей культа. Все поступившие ходатайства возникли по инициативе указанных лиц» [16, 344-345].

Даже в голодные послевоенные годы верующие не скупились на то, чтобы достойно отметить главные религиозные праздники. Это было отмечено в ежегодном отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви: «По всем церквям в Северо-Осетинской АССР верующих, приходивших для освящения куличей и пасок, было в 2-3 раза более прошлого года... (1947 г. — *Авт.*). Причем среди проходящих заметно было значительное количество детей, преимущественно девочек школьного возраста 10-14 лет» [17, 403].

Слухи подогревались и некоторыми непродуктивными действиями местных вла-

стей. Создавались проволочки. Так, протоиерей Армянской церкви обратился в исполком СОАССР с просьбой о регистрации в качестве второго священника Армянской во имя св. Григория церкви. Прошение подписало около 600 человек, но уполномоченный по церковным делам не зарегистрировал Таварбекяна, считая собрание подписей незаконным.

Еще большие препятствия создавались представителям иудейской конфессии. Дело об открытии молитвенного дома затянулось на ряд лет.

В спор вмешался Совет по делам религиозных культов при СНК СССР. Евреи Владикавказа направили на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР т. Калинина заявление с жалобой на неправильное отклонение ходатайства верующих об открытии синагоги. Местный совет по делам религиозных культов на это отреагировал спокойно: «Заявление было составлено неправильно, ссылка на то, что у них нет раввина и резника, а они будут молиться без них в помещении бывшей синагоги, недопустима» [11, 3].

В это время по стране начали циркулировать слухи о скором закрытии храмов. Это привело к массовому крещению детей, венчаниям. Органы надзора за деятельностью религиозных объединений пытались воспрепятствовать такой активности. С этой целью религиозным лидерам воспрещалось в своих проповедях затрагивать социальные или политические вопросы, но неукоснительно следовать, к примеру, библейским сюжетам и морализаторским их комментированием.

Строжайший контроль за религиозными объединениями осуществляли уполномоченные по делам РПЦ (позже Совета по делам религий) при исполкомах местных советов. Следует заметить, что в середине 1940-х — середине 1950-х гг. Совет по делам РПЦ выступал за поступательное развитие

государственно-конфессиональных отношений, однако на местах не всегда эта линия выдерживалась, о чем свидетельствуют вышеприведенные факты, подтверждающие, что уполномоченные в регионах злоупотребляли своими правами и не торопились налаживать конструктивные отношения с клиром. Одним из таких ортодоксальных чиновников оказался Конененко, который занимал должность уполномоченного в СОАССР. Он мог влиять на деятельность каждой общины, в зависимости от своих симпатий или антипатий разрешать либо отказывать в осуществлении той или иной хозяйственной деятельности. Запрет чаще всего приводил к закрытию молитвенного здания как опасного для жизни верующих.

В рассматриваемое время перед уполномоченным ставилась задача недопущения нелегальной деятельности религиозных организаций. Контролируя внутриобщинную жизнь, в частности, финансово-хозяйственную, государство через своих представителей могло оказывать влияние на всю жизнь религиозных объединений.

Таким образом, определенный церковный ренессанс 1940-х гг. связан с тем, что власти пришлось отказаться от атеистических чисток и исправлять те ошибки, которые были допущены в годы атеистических пятилеток. В военные и послевоенные годы произошли существенные перемены в государственно-административных, церковных и социальных связях. Государство вынужденно было пойти на реализацию положения о свободе совести, которое было прописано в Конституции 1936 года, но не получившее своего законного претворения в предвоенные годы.

Вместе с тем религиозные объединения должны были приспособливаться к новой реальности. Духовенству и пастве следовало проявлять осторожность, что привело к существенной замкнутости религиозной общины.

1. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40-е — 60-е годы XX века. Томск, 2003.
2. Флетчер У. Советские верующие // Социологические исследования. 1987. № 4.
3. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
4. Канукова З. В., Хубулова С. А. Дорога к Храму. Владикавказ, 2000.
5. Синанов Б. А. Взаимоотношения Советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917-1943 гг.). Владикавказ, 2014.
6. Хубулова С. А. Советская власть и репрессии против священства г. Владикавказа (1920-1930-е гг.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 4 (26).
7. Шкаровский М. В. Русская православная церковь и религиозная политика. М., 1999.
8. Православный Владикавказ. 2001. № 38.
9. Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А). ФР.-629. Оп. 1. Д. 272.
10. Северо-Осетинская парторганизация в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1968.
11. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 1. Д. 273.
12. Якунин В. Н. Укрепление положения русской православной церкви и структура ее управления в 1941-1945 гг. // Отечественная история. 2003. № 4.
13. Православный Владикавказ. 1999. № 27.
14. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 1. Д. 12.
15. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 1. Д. 274.
16. Советская жизнь. 1945-1953/Составители Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003.
17. Хубулова С. А., Хубулова Э. В. Население Северной Осетии в советских послевоенных реалиях 1945-1953 гг.: иллюзии и повседневные практики. Владикавказ, 2016.